Алексей Митрофанов

Пятницкая

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

Пятницкая. Прогулки по старой Москве

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Пятницкая. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904759-5

Улица Пятницкая — знатный московский бренд. «Трактир на Пятницкой» — известный и некогда культовый фильм. А в реальности таких трактиров было множество.Пятницкая олицетворяла жизненный нерв Замоскворечья, была по-столичному бойкой и людной. Вроде бы и Замоскворечье, а посмотришь повнимательнее — не совсем.

ISBN 978-5-44-904759-5

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

«Река Москва в четырехтрубном дыме» 6
Военное интендантство 10
Отель «На болоте» 12
Дом молодого Толстого 13
Военное метро 15
Православный храм в честь папы Римского 20
Храм в Вишняках 21
Печенье для ждущих врага 24
Ленин в доме Рекк 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Пятницкая
Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-4759-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Пятницкая – знатный московский бренд. «Трактир на Пятницкой» – известный и некогда культовый фильм. А в реальности таких трактиров было множество.

В Замоскворечье четыре основных радиальных улицы – Большая Якиманка, Большая Полянка, Большая Ордынка и Пятницкая. Первые три беспрекословно подчинялись жанру – были тихими, купеческими, сонными. Четвертая же, Пятницкая, олицетворяла жизненный нерв Замоскворечья, была по-столичному бойкой и людной. Вроде бы и Замоскворечье, а посмотришь повнимательнее – не совсем.

Мы же начнем свой маршрут, по традиции, несколько раньше, чем начинается собственно улица. На сей раз – от Раушской набережной.

«Река Москва в четырехтрубном дыме»

Электростанция МоГЭСа (Раушская набережная, 8) построена в 1897 году по проекту архитектора Н. Басиена и под руководством инженера В. Классона.

Путеводитель по Москве 1937 года сообщал: «На другом берегу Москва-реки – здание 1-й Московской Государственной электрической станции им. Смидовича. До 1917 г. это была единственная электростанция в Москве. 25 апреля 1912 г. рабочие этой станции (принадлежавшей обществу „Электрическое освещение“) объявили забастовку в знак протеста против ленских расстрелов. В октябрьские дни 1917 г. электростанция была одним из важнейших революционных пунктов Замоскворечья. 26 октября на станции был образован революционный штаб для руководства боевыми действиями. Охраняли станцию рота 55-го полка и красногвардейцы. За годы революции станция значительно расширена и реконструирована».

Соврали. И, как ни странно, не насчет революционного прошлого – здесь создатели путеводителя всего лишь несколько преувеличили значительность перечисляемых событий. Насчет того, что станция до революции была единственная. Собственно, первая московская электростанция была открыта на Большой Дмитровке в 1888 году. На момент написания путеводителя там размещался автобусный парк.

К этому зданию был неравнодушен Михаил Светлов, посвятил ему, в частности, стихотворение под названием «Ночью»:

Пускай МоГЭС (уже в который раз!)
Об экономии пришлет предупрежденье, —
Я зажигаю, штрафа не боясь,
Всю тысячу свечей стихотворенья…

Упоминал его и Мандельштам:

Река Москва в четырехтрубном дыме,
И перед нами весь раскрытый город:
Купальщики-заводы и сады
Замоскворецкие. Не так ли,
Откинув палисандровую крышку
Огромного концертного рояля,
Мы проникаем в звучное нутро?
Белогвардейцы, вы его видали?
Рояль Москвы слыхали? Гули-гули!

Четыре трубы – разумеется, образ. Труб больше. Но это не страшно. По Велимиру Хлебникову этих труб и вовсе три: «Я особенно любил Замоскворечье и три заводских трубы, точно свечи, твердой рукой зажженные здесь, чугунный мост и воронье на льду. Но над всем золотым куполом господствует выходящий из громадной руки светильник трех заводских труб, железная лестница вдоль полых башен ведет на вершину их, по ней иногда подымается человек – священник, свечой перед лицом из седой заводской копоти. Кто он, это лицо? Друг или враг? Дымописанный лоб, висящий над городом? Обвитый бородой облаков?

И не новым ли черноокая Гуриэт Эль Айн посвящает свои шелковистые, чудные волосы тому пламени, на котором будет сожжена, проповедуя равенство и равноправие?

Мы еще не знаем, мы только смотрим. Но эти новые свечи неведомому владыке господствуют над старым храмом».

И в другом месте, тот же Хлебников: «Что украшает город? На пороге его красоты стоят трубы заводов. Три дымящиеся трубы Замоскворечья напоминают подсвечник и три свечи, невидимые при дневном свете. А лес труб на северном безжизненном болоте заставляет присутствовать при переходе природы от одного порядка к другому; это нежный, слабый мох леса второго порядка; сам город делается первым опытом растения высшего порядка, еще ученическим. Эти болота – поляна шелкового мха труб. Трубы – это прелесть золотистых волос».

Электростанция и будоражила, и навевала. Не удивительно – расположить такую мощную фабричную постройку прямо на берегу главной реки, прямо в центре столицы. «Электрические станции Могэса дымили, как эскадра», – писали Ильф и Петров. И подобное сравнение, конечно же, было вполне естественным и, в общем, ожидаемым.

А в 1924 году некто Арсений Авраамов задумал нечто совершенно невозможное. Он решил сыграть на этих трубах «Варшавянку» и «Интернационал», используя их в качестве классических органных труб – на всю Москву! Но затея реализовалась в сокращенном виде: большие трубы ему все же не доверили, ограничились малыми, невидимыми с берегов. А поскольку труб было немного, то пришлось внести в мелодию значительные изменения. В результате даже те, кто слышал произведения органиста-новатора, все равно не поняли, что именно он исполняет. Сам же Авраамов отчитывался перед публикой в журнале «Художник и зритель»: «Опыт сделан, сделан на скромные двадцать червонцев, отпущенные МК на все расходы. Это доказывает отсутствие в замысле утопического элемента. Затратив несколько большую сумму, приспособив к гудкам клавиатуру для сольного исполнения, мы сможем иметь грандиозный паровой орган, готовый к услугам Москвы в любой торжественный момент революционного быта. А быть может, внедримся и в бытовые будни, приветствуя „Интернационалом“ начало и конец каждого рабочего дня, оповещая столицу о точном времени и вообще вытесняя и заглушая колокольный звон старой культуры рабочим ревом гудков и сирен, самим тембром своим много говорящим пролетарскому сердцу».

К счастью, ничего подобного не вошло в московский быт.

Кстати, в Великую Отечественную трубы МоГЭСа вообще укоротили – ради конспирации. Полный же список работ был таков: «Гитлеровские летчики усиленно искали и, обнаружив, бомбили объекты энергетики. К сожалению, маскировка не всегда вводила в заблуждение врага. Да и как замаскировать, укрыть от глаз противника стоящие часто на открытом месте громадные здания электростанции, почти сплошь остекленные да еще с характерными трубами? Казалось, легче спрятать станцию среди городской застройки, но и здесь это было непросто. ГРЭС №1 на Раушской набережной стоит в ряду многоэтажных домов, но ее выдавали высокие трубы. Станция играла значительную роль в электроснабжении города и потому пользовалась большим вниманием воздушных пиратов. На нее пришлось 27 фугасных бомб и около 500 зажигательных. Это заставило еще раз серьезно задуматься над маскировкой. Радикальное решение было найдено: здание «надстроили» фанерным этажом, который укрыл его трубы. Бомбы сюда стали падать реже.

Оборудование станции защищалось траверсными стенками и другими специальными устройствами. Они оказались весьма эффективными – бомбы, попадавшие в здание, наносили повреждения, расстекляли станцию, но она продолжала питать город электроэнергией. Перерывы в работе не превышали нескольких часов. И не потому, что повреждения были незначительными. Самоотверженно, не считаясь с опасностью, не ожидая окончания налета, ликвидировали аварии вахтенный персонал и бойцы полка МПВО».

Такой вот необычный дом.

* * *

Рядом же, в доме №14 по той же Раушской набережной располагался клуб «Красный луч». В нем базировался театр-студия под руководством А. Л. Грипича. Правда, собственной сцены у театра не было, здесь проходили только репетиции. В 1935 году в репертуаре было только три спектакля – «Мещане» А. М. Горького, «Платон Кречет» Корнейчука и «Бот» Горева.

Любой из этих трех спектаклей в городе Москве стоил 1200 рублей, а с выездом из города – 1500.

«Красный луч» с годами превратился в ДК энергетиков. Там, среди прочего, произошла занятная история, рассказанная деятелем эстрады Арнольдом Гумницким: «В ДК энергетиков шел концерт, который вел Леонид Шипов (ныне эмигрировавший). В программе принимали участие довольно известные артисты: Рудаков и Нечаев, Дудник, Дивов и Степанова, только что ставший знаменитым своими «Оленями» Кола Бельды… Я в это время сидел в кабинете директора, с которым был в дружеских отношениях. Вдруг в концерте возникает какая-то пауза, и директор просит меня: «Арнольд, тут два номера самодеятельных должны быть, выйди пока, выступи». Как конферансье я уже числился в мастерской сатиры и юмора Мосэстрады, но самостоятельно еще ни одного концерта не провел. Выхожу на сцену, играю свой номер «Концерт на луне». Это стихотворная юмореска о том, как бригада артистов в составе Гаркави, Утесова, Бернеса, Тимошенко и Березина и других побывала в гостях у «лунян». Некоторые куплеты я позаимствовал у Юрия Филимонова, некоторые написал сам. Например, подражая Бернесу, я говорил и пел такой текст:

Среди городов на Луне
Оказался и город Одесса.
Из лунной Одессы приехали все
Послушать земного Марка Бернеса…

Закончил номер, а мне директор из-за кулис кричит: «Давай пародии!» И из зала слышу голоса: «Пародии. „Ворону и лисицу“!» Еще только придя на профессиональную эстраду, я уже знал, что неэтично исполнять чужие номера. Вот Дудник придумал номер с учительницей, которую соседи по коммуналке пытались выжить, на выручку пришел ее бывший ученик, ставший артистом. Он сыграл роль хулигана, который якобы хочет поменяться комнатами с этой учительницей. Номер потрясающий! А Райкин увидел его и сделал фильм. И все – номер пропал, больше Дудник его не показывал. А «Ворона и лисица» – тоже коронный номер Дудника. Но мне было жалко расставаться с той палитрой ярких образов, которой я довольно неплохо владел.

Я начинаю голосом Э. Гарина: «Вороне… где-то… бог… послал кусочек сыру…» В общем, понесло меня. Я уже не думаю, что скажет Дудник, все делаю точно так, как делает он… В зале смех, меня не отпускают со сцены. «Дорогие друзья, – закругляюсь я, – перед вами выступали самодеятельные артисты. А сейчас вы увидите настоящих профессионалов, мастеров эстрады…»

Я ушел в зал, концерт продолжает вести Шипов. Объявляет Дудника. Геннадий Михайлович показывает очень симпатичный и смешной номер про верблюда. Народ требует еще: «Пародии, пародии…» А Дудник не стал их делать – расстроился. Тут же за кулисами любящие всякие подначки артисты донесли ему, что его «Ворону и лисицу» уже пересказывал некто Гумницкий, и не без успеха».

На протяжении нескольких лет товарищ Дудник дулся на товарища Гумницкого. Такие уж у них, у королей эстрады, были нравы.

Здесь же в пятидесятые годы действовал джазовый клуб – один из лучших в стране. Правда, просуществовал он недолго – всего несколько лет.

А еще тут репетировал пусть и придуманный, но от того не менее прекрасный музыкант – Владимир Данилов, главный герой романа Владимира Орлова «Альтист Данилов». Эти репетиции были для него весьма важны: «Репетировали в утренние часы в зале Дворца энергетиков. Оркестранты были люди молодые, Данилов пришелся бы им старшим братом, по вечерам они работали кто где: кто в театрах, в том числе и драматических, кто в Москонцерте, кто в ресторанных ансамблях. Все они были недовольны своим теперешним положением, и то, что они были вынуждены исполнять на службе, им не нравилось. Душа их рвалась к большой музыке. Пусть за эту музыку и не платили. Все они, если разобраться, были юнцы, еще не утихшие, жаждущие простора и признания, уверенные в своих шансах сравняться с Ойстрахом, Рихтером, а кто – и с Бетховеном. Первый раз на репетицию Данилов ехал в ознобе, в ознобе он вышел и на сцену. Чувствовал, как смотрят на него оркестранты. Друг другу они уже знали цену. Данилов играл старательно, но, наверное, хуже, чем дома, да и не наверное, а точно хуже. Однако в оркестре лиц недовольных он не заметил. Но, естественно, и по пюпитрам стучать никто не стал. Отношение к нему было спокойное, как бы деловое. Ну, сыграл – и ладно. Данилов отошел в сторонку, присел на стул, опустил инструмент. Чудецкий с Переслегиным стояли метрах в пяти от него, говорили озабоченно, но не об его игре и не об игре оркестра и других солистов – валторны и кларнета, а о том, что симфония звучала сорок четыре минуты, Переслегин заметил время. Это много, считали они.

Данилов почувствовал себя одиноким на сцене, да и на всем свете. Ему стало холодно, будто он без шапки и в плаще оказался на льдине в полярных водах, ветер сбивал его с ног, подталкивал к трещине, становившейся все шире и страшнее. Яма в театре представилась сейчас Данилову местом спасения. «Что я лезу-то в калашный ряд!» – отругал себя Данилов.

Композитор Переслегин сказал ему: «Как будто бы ничего…» И все. Имел он в виду то ли игру Данилова, то ли свою музыку. То ли успокаивал Данилова, то ли успокаивал себя».

Но основные события лишь угадывались впереди.

Военное интендантство

Здание Кригс-Комиссариата (Космодамианская набережная, 24—26) построено в 1780 году по проекту архитектора Н. Леграна.

Кригс-Комиссариатом – на немецкий манер – в восемнадцатом веке называли военное интендантство. То есть огромный виртуальный склад, в стенах которого распределялось всевозможное военное имущество. А поскольку в нашем государстве на армии не экономили, то размеры имущества были нешуточными. Не удивительно, что, с одной стороны, многие стремились к службе в этом ведомстве, а с другой, карьера многих обрывалась здесь препровождением в военную тюрьму. Такой вот парадокс.

Здесь среди прочих служили Сергей Львович Пушкин – отец Александра Сергеевича, стихотворца, а также отец знаменитого зодчего М. Казакова. Стены Кригс-Комиссариата способствовали развитию талантов у детей.

При советской же власти здание Кригс-Комиссариата отошло к Московскому военному округу. И уже в этой, вполне социалистической организации служил легендарнейший кавалерист, командарм Первой Конной – Буденный. Казалось бы, кристальный человек, однако же была с ним в 1925 году довольно мутная история. Михаил Булгаков так ее описывал: «Мельком слышал, что умерла жена Буденного. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил. Он влюбился, она ему мешала. Остается совершенно безнаказанным. По рассказу – она угрожала ему, что выступит с разоблачением его жестокости с солдатами в царское время, когда он был вахмистером».

Действительность была другой, гораздо более трагичной, драматичной. Буденный оставил на столе пистолет, а спустя несколько минут в комнату вошла его супруга в сопровождении нескольких гостей. Настроение у нее было игривое, она смеялась и шутила, схватила пистолет, приставила его к виску. Буденный вошел в комнату, крикнул, что пистолет заряжен.

– Я боевая, умею обращаться… – это были последние слова супруги командарма. А дальше – выстрел. Случайность. Трагическая.

Но на карьеру Семена Михайловича все это не повлияло: слухи слухами, а компетентные граждане знали, как было дело, и только сочувствовали командарму.

Именно сюда доставлен был после ареста Лаврентий Берия. Его на всякий случай поместили в специальный бункер – чтобы не сбежал. Здесь же шло следствие. По воспоминаниям очевидцев, Берия вел себя омерзительно: то ругался, то запугивал следователей, то требовал себе женщину в бункер. А по углам двора были расставлены танки. Так, на всякий случай.

В древности же, при Анне Иоанновне здесь был дворец всесильного канцлера Бирона. Он тоже рассчитался за свою всесильность: в 1740 году был сослан. Правда, спустя два десятилетия, когда престол достался Петру Третьему, симпатизировавшему «немецким россиянам», Бирона вернули в столицы и даже в политику. Но эти двадцать лет страданий у Бирона, как говорится, не отнять.

* * *

Неподалеку же стояла церковь Николы в Пупышах, своим названием обязанная кочкам: местность здесь была болотистая. Она была своего рода достопримечательностью: на стене этого храма отмечали уровни московских наводнений. Рядом с церковью был домик, в котором в 1880-е квартировал художник Н. В. Неврев. В первом же этаже этого дома размещались квартиры извозчиков. Не особо требовательные в отношении комфорта, эти специалисты набивались человек по десять в комнату, а во дворе и перед домом были в художественном беспорядке разбросаны телеги, сани, сбруи, ржали лошади. Все это и угнетало художника, и придавало

ему вдохновения. Во всяком случае, его известная картина «Гончары» изображает именно вид из окна этого домика.

Сегодня же нет здесь ни церкви, ни домика.

Отель «На болоте»

Здание гостиницы «Балчуг» (улица Балчуг, 1) построено в 1898 году по проекту архитектора А. Иванова.

Гостиница «Балчуг» поначалу носила название «Новомосковская». Но и тогда, на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий, она была одной из самых фешенебельных в Первопрестольной.

Хотя местность к этому, мягко скажем, не располагала. В. Н. Харузина писала о своем московском детстве: «Вот прошли мост, заглянув на действительно противные, грязные волны Канавы, – и вот очутились в своеобразном мире рыбных и железных лавок. Меня так мучили в детстве запах рыбных лавок на Балчуге, запах рогож, пробок и трав, лязг железа, громыханье его, когда его складывали на телеги или везли, например, железные полосы, а они нижними концами издавали непрерывающийся звук, – весь своеобразный шум этой части „города“, что до сих пор, кажется, я не люблю этого места».

Постояльцам же отеля приходилось все это терпеть – за собственные деньги.

Впрочем, и сама гостиница не отвечала высочайшим требованиям. Публицист Лев Никулин писал: «В коридорах – угар от самоваров, в номерах – знакомый гостиничный, терпкий, застоявшийся запах».

Чай, Замоскворечье – не Париж.

В 1933 году отель стал «интуристовским». Здесь стали расселять дружественных иностранцев. В частности, именно здесь останавливался чешский журналист Юлиус Фучик, автор трагически знаменитого «Репортажа с петлей на шее». Одна из его современниц И. Радволина писала: «Все огромное московское небо, все красоты Кремля, Красной площади, набережной, которые отсюда, с высоты седьмого этажа гостиницы „Новомосковской“, прекрасно видны, все это он приобщил к своей, фучиковской жилплощади. „Мне сегодня показалось, что я и писать здесь стал лучше!“».

В 1957 году отель стал «Бухарестом». Справочник гостиниц тех времен писал, что гостиница рассчитана на 800 мест. А среди особенно привлекательных элементов инфраструктуры упоминались ресторан, парикмахерская, отделение связи, портновская мастерская, магазин «Кулинария» и буфеты на этажах.

И уже под конец двадцатого столетия отель получил исторически правильное название «Балчуг» – в честь той улицы, на которой находится. В переводе же с татарского Балчук – топь, грязь, болото. Именно здесь во времена Ивана Грозного устроен был особенный кабак для верных ему воинов-опричников. Другим же подданным этого государя употреблять спиртное было категорически запрещено. А здесь шли непрерывные пьянки.

Однако современным постояльцам этого отеля лучше воздержаться от подобных знаний.

* * *

Рядом же с гостиницей – церковь Георгия в Ендове, возведенная в 1653 году. Еще одно странное слово, связанное со здешним храмом. Словарь Даля дает следующее толкование этого слова: «Яндова, Ендова – низкая, большая, медная, луженая братина, с рыльцем, для пива, браги, меду; в ендове подают питья на пирах, она же есть в распивочных и кабаках, на кораблях и пр.».

Очевидно, что название – прямой наследник недоброй памяти опричных кабаков.

Дом молодого Толстого

Комплекс доходных домов купца Варгина (Пятницкая улица, 12—16) выстроен в разное время по проектам разных архитекторов.

Впрочем, идем на Пятницкую улицу. Первая значительная достопримечательность на ней – комплекс доходных домов купца Варгина. Неизвестно, в каком именно из этих зданий проживал в 1854—1855 годы Лев Николаевич Толстой. Но в каком-то точно проживал. Принято считать, что в том, где в наши дни располагается один из многочисленных музеев Льва Толстого. А до 1980 года находилась знаменитая на все Замоскворечье часовая мастерская.

Тридцатилетний подающий надежды писатель оставлял и родным, и приятелям свои новые координаты: «Адрес мой: на Пятницкой в доме Варгина». Все, в общем, незамысловато.

Все складывалось более или менее удачно. Лев Николаевич писал: «Для меня, я всегда замечал, самое лучшее время деятельности от генваря до весны, и теперь работается; но что выйдет, не знаю. На жизнь свою в Москве я не могу жаловаться. Хорошие люди есть, как и везде. Дома приятно, ежели бы только не нездоровье сестры. Она целую зиму страдает. Хорошая музыка даже есть, и теперь окончательно устраивается музыкальное общество под руководством Мортье…

Был здесь обед в купеческом клубе, устроенный Кавелиным, по случаю эманципации. Были речи Каткова, Станкевича, Погодина, Кавелина, Павлова, Бабста и Кокырева. Только Павлова и Бабста речи были замечательны. Обед этот произвел озлобление во всей публике дворянской. Славянофилы не хотели участвовать в обеде. Да что я пишу это вам vanitas vanitatum, вроде звезд и чинов. Человек везде человек, то есть слаб».

В молодом офицере вовсю пробивались зачатки будущего длиннобородого философа.

Лев Николаевич неутомим: «Отдаюсь работе 8 часов в сутки, а остальное время слушаю музыку, где есть хорошая, и ищу хороших людей». Он явно обустраивает не только свою нынешнюю, но и будущую жизнь.

И, разумеется, здешний, замоскворецкий антураж врывается в толстовские произведения. Вот, к примеру, ощущения юнкера Оленина, прощающегося с Москвой (повесть «Казаки»): «Все затихло в Москве. Редко, редко где слышится визг колес по зимней улице. В окнах огней уже нет, и фонари потухли. От церквей разносятся звуки колоколов и, колыхаясь над спящим городом, поминают об утре. На улицах пусто. Редко где промесит узкими полозьями песок с снегом ночной извозчик и, перебравшись на другой угол, заснет, дожидаясь седока. Пройдет старушка в церковь, где уж, отражаясь на золотых окладах, красно и редко горят несимметрично расставленные восковые свечи. Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы.

А у господ еще вечер.

В одном из окон Шевалье из-под затворенной ставни противузаконно светится огонь. У подъезда стоят карета, сани и извозчики, стеснившись задками. Почтовая тройка стоит тут же. Дворник, закутавшись и съежившись, точно прячется за угол дома».

Сокровенное, сонное Замоскворечье.

Здесь же, кстати, проходило детство другого писателя, Леонида Леонова. Вид из окна его детства вошел в роман «Барсуки»: «Долго здесь сидел Сеня. Чуть не весь город лежал, распростертый внизу, как покоренный, у ног победителя. Огромной лиловой дугой, прошитой золотом, все влево и влево закруглялась река. Широкое и красное, как цветок разбухшей герани, опускалось солнце за темные кремлевские башни, пики и купола, многообразно и величественно стерегущие древнюю нетронутость Москвы.

Взметенная дневной суетой, оседала пыль, и уже жадней хватала Сенина грудь веянья холодеющего воздуха. А снизу источалась духота, жар, томящая, расслабляющая скука. Небо потухало, все больше походя на блеклую, выгоревшую на солнце синюю ткань. Все принимало лилово-синий отсвет ночного покоя, усугубляемый тучей, наползавшей с востока, медлительной и страшной, как гора, вывернутая ветром из своих скалистых лон. Ночь обещала грозу, и уже попыхивал молниями иссушенный московский горизонт.

Сеня обернулся. Москва быстро погружалась в синеву потемок, но там, далеко, главенствуя над сумерками, диким бронзовым румянцем пылал крест и купол Никиты-мученика, что на Швивой горе. Дальше, в туманно-пыльной дали, обманывался глаз. Там загорались серебряные точки в окнах, но очертанья самых окон размывала мгла».

Таковым было замоскворецкое детство писателя.

* * *

В доме же под номером 14 во времена СССР располагалась легендарная шашлычная. Своего рода трактир – но второй половины двадцатого века. Алкоголь здесь то продавался, то нет. Если не продавался – практически каждый приходил со своим. Запрещалось выставлять бутылки на столы – их ставили на пол. Если учесть, что шашлычная работала в форме «стоячки», весь этот арсенал был виден каждому входящему. Смысла в подобной конспирации не было, ясное дело, никакого – таким образом, скорее, выражали дань уважения к персоналу. За шашлыком приходилось выстаивать очередь, он был жилист, но дело не в этом – в атмосфере замоскворецкой вседозволенности. Ведь бутылки под столом выстраивались даже в горбачевскую эпоху, в кампанию по борьбе с пьянством. Ни на Тверской, ни на Мясницкой ничего подобного даже представить себе было невозможно.

Сюда захаживал Иосиф Бродский. Михаил Ардов вспоминал: «Мы с Иосифом идем по Ордынке и сворачиваем во двор. Цель нашего путешествия – шашлычная на Пятницкой улице. Он мне говорит:

– Михаил, я начал писать поэму… Вот послушайте начало:

Однажды Берия приходит в мавзолей
И видит, что в коробке кто-то рылся.
Он пригляделся: точно, кишек – нет!
– Кто с…л кишки! – прокричал Лаврентий.
Ответа не было… Лишь эхо
Чуть слышно повторяло: кишки!.. кишки!..

– Великолепно! – говорю я. – Превосходно! И больше ничего не надо…

– А я решил писать дальше, – отвечает Иосиф. – Уже начал продолжение:

Чека пришло в движенье. Абакумов…

– Не надо, не надо, – говорю я. – Умоляю вас – не надо! Это так прекрасно – удаляющееся под землею «кишки!.. кишки!..»»

Даже шашлычная в комплексе бывших варгинских домов была литературным местом.

Военное метро

Станция метро «Новокузнецкая» построена в 1943 году по проекту архитекторов И. Таранова, Н. Быкова, В. Гельфрейх и И. Рожина.

Эта станция относится к так называемой третье очереди московского метро. Ее открыли в ноябре 1943 года. Сам же перегон «Театральная» – «Новокузнецкая» заработал значительно раньше – первый поезд отправился в тот же год, первого января. «Новокузнецкую» же проезжали без остановок – строители запаздывали.

Архитектор И. Таранов говорил в интервью «Архитектурной газете»: «Архитектурное оформление станции «Новокузнецкая» задумано нами с тем расчетом, чтобы осуществить указания Л. М. Кагановича о радостном и легком впечатлении, которое должны производить станции метрополитена… Мы пытались достичь этого следующим образом: прежде всего не маскировать зрительно силу давления свода, передаваемого в землю. Исключив всякие архитравы, якобы несущие свод, и всякую фальсификацию конструкции, мы даем такие своды, которые в сочетании с монументально обработанным низом помещений создают впечатление легкости и радости… Проемы в среднем зале обрамлены порталами из золотистого газганского мрамора и слегка наклонены внутрь. Путевые стены боковых тоннелей станции выложены глазурованными плитками. Цоколь из черного мрамора…

Станция «Новокузнецкая» является первой станцией метро в Замоскворецком радиусе и основным фактором реконструкции Замоскворечья. Это побудило нас посвятить вестибюль станции теме «реконструкция Москвы»».

Станцию создавали в войну – в этом был особый смысл. Таким образом давали понять – и советским гражданам, и вражеской стороне – что никаких сомнений в окончательной победе нет, что речь идет всего лишь о времени, и уже сейчас советские люди готовятся к удобной мирной жизни по окончании боевых действий. Мозаичное панно на потолке сделали по эскизам знаменитого Дейнеки. Выполнял их ленинградский художник А. Фролов. Ленинград был в блокаде, и он умер от голода. А готовые панно вывезли на большую землю уже после его смерти.

Так что «Новокузнецкая» – мемориал Великой Отечественной, притом мемориал не придуманный, не созданный искусственно. Подлинность его – высшего градуса.

Кстати, скамейки этой станции взяли со смотровой площадки взорванного ранее храма Христа Спасителя.

Вадим же Семернин в своей «Метропоэме» свел личность этой станции к ее названию. Глава, посвященная «Новокузнецкой», получилась такая:

Мы – новой кузницей сильны!
Не наш ли молод дух?
Куем мы счастье всей страны —
проверь удар на слух.
Заря – на наковальне дней…
Как деды и отцы,
должны мы тоже стать своей
победы кузнецы!

Эта «Метропоэма» – характернейший памятник советской поэзии позднего брежневизма. А «Новокузнецкая» – просто невероятное скопление параллелей, смыслов и историй, в котором нашлось место даже такому курьезу.

С этой станцией метро связана одна забавная история, описанная уже упомянутым Михаилом Ардовым: «А вот другой визит Ч. (боевого офицера, классического вояки, над которым в доме Ардовых принято было приятельски потешаться. – АМ.). Он говорит:

– Слушай, Виктор… Я сейчас проходил по Пятницкой, там у метро продают ананасы…

Тут отец решил пошутить со своим гостем и говорит:

– Так что же ты нам не купил ананас?..

– Анна Андреевна, – обращается он к сидящей на диване Ахматовой, – вы когда-нибудь слышали, чтобы в приличный дом приходили без ананасов?

– Никогда в жизни, – отзывается Ахматова.

Эффект такого диалога превзошел все ожидания.

Ч. поспешно вышел из-за стола и через двадцать минут вернулся с ананасом».

Этот Ч., кстати, очень гордился знакомством с Ахматовой, которая часто гостила у Ардовых. Бравировал этим знакомством перед приятелями. Те часто интересовались: дескать, как там поэтесса, все ли у нее нормально?

– У нее все в порядке, – отвечал на это Ч. – Я даю ей рекомендацию в партию.

Для него это, ясное дело, было высочайшей похвалой.

* * *

А до 1934 года здесь стояла церковь Параскевы Пятницы на Пятницкой. Она была построена в 1744 году купцами Журавлевыми на месте старой церкви, той же Параскевы Пятницкой, впервые упомянутой в 1564 году. Путеводитель по Москве 1833 года так ее описывал: «И в сей храм невозможно войти, не почувствовав благоговения, внушаемого не одним святым местом, но также величеством архитектуры и внутренним благолепием храма».

Про колокольню там были отдельные строки: «Прелестный вид с оной во все стороны – вот место, откуда советуем художникам снимать красоты столицы нашей».

А Иван Кондратьев, автор фолианта под названием «Седая старина Москвы», писал о ней: «По имени этой церкви и улица, идущая от Водоотводного канала до Серпуховских ворот, называется Пятницкой. Церковь построена в 1739 году купцами Журавлевыми, а колокольня и трапеза пристроены в 1748 году. Архитектура храма величественна. Внутри храм отличается своим благолепием. Иконостас, ризница и утварь храма очень хороши и богаты. Настоящая церковь – во имя Живоначальной Троицы. Приделы: Артемия Веркольского, Великомученицы Параскевы и Пророка Ильи (на колокольне). В храме чудотворная икона Великомученицы Параскевы.

Близ этой церкви в старину существовал Введенский мужской монастырь, именовавшийся «у Новой Проши» (место прощания с отъезжающими), названный так для отличия от Старой Проши, бывшей на левой стороне Москвы-реки, у Каменного моста, где теперь церковь Николая Чудотворца в Башмакове. Монастырь уничтожен давно. Один из переулков, проходящих с Татарской улицы на Пятницкую, по имени монастыря носит название Введенского».

А в 1766 году у этой церкви остановилась страшная процессия. Историк М. Пыляев так ее описывал: «По московским улицам при громадном стечении народа отряд солдат с заряженными ружьями, со священником с крестом провожал босых, скованных мужчину и женщину в саванах, с распущенными волосами, которые падали на глаза; это были Жуковы, убийцы своей матери и сестры.

Они останавливались пред дверьми Успенского собора, перед церквями св. Петра и Павла в Басманной, Параскевы Пятницы на Пятницкой, у Николы Явленного на Арбате и т. д. Там читался им манифест.

Преступники, стоя на коленях, должны были прочесть сочиненную на этот случай молитву и неоднократно повторять перед народом покаяние».

То было время публичности казней.

Кстати, одно время старостой этого храма был известнейший строительный подрядчик Петр Ионович Губонин.

Дочь же одного из настоятелей этого храма, Валентина Неаполитанская, писала о том, что здесь происходило в советское время. О том, как настоятель, отец Сергий Фрязинов взял на сохранение Плащаницу Божьей Матери у монахинь Крестовоздвиженского монастыря: «Папа сам перенес ее в церковь, где она отстояла всенощную и две обедни, а потом вернулся с ней домой. Жили мы в пяти минутах ходьбы от церкви, на Большой Татарской улице, в доме №14. Плащаницу поставили в нишу буфета, между верхним и нижним его отделениями… Время было страшное. В Поволжье начался голод. Распространялся слух, что большевики собираются отбирать у церквей все ценные предметы церковного обихода. Узнав об этих бедах, отец отправился в исполком Замоскворецкого района и подал туда два заявления. Первое о том, что он просит все ценности не отбирать, а оставить церкви священные сосуды, т.е. чаши и ложечки для причастия, взамен чего он обязуется возместить государству их стоимость путем сбора средств у прихожан. В те годы это было реально. Верующих было много, а отец пользовался любовью и уважением. Однако большевики и сборы приняли, и ценности все отобрали, предварительно арестовав отца… Второе заявление было просьбой – разрешить открыть при церкви Параскевы Пятницы приют на шесть ребятишек из голодающих мест. Это – разрешили!

…Около часу ночи у входной двери раздался резкий звонок. Отец сразу встал и молча пошел отпирать дверь. Через несколько минут папа вернулся в сопровождении человека в черной кожаной куртке с наганом у пояса и двух солдат, в руках которых были ружья со штыками. Начался обыск. Солдаты перевертывали мебель. Согнали нас с наших постелей и стали протыкать их штыками. Принесли ключи от буфета, солдаты перерыли все его ящики. Кочергой ворошили пепел в «буржуйке». Вскрыли висящие на стене часы и извлекли оттуда листок отрывного календаря. На обороте его были перечислены подлинные фамилии некоторых членов большевистского правительства. Кто этот листок сунул в часы, одному Богу известно! Это был единственный изъятый «документ»… Обыск кончился около пяти часов утра. Папа получил ничего не значащий акт и получил предписание утром, к девяти часам, прийти самому на Лубянку с вещами. После их ухода мы, измученные и опустошенные, сидели на наших кроватях. И вдруг – сейчас уже не помню, кто из нас, возможно, что и я, бросил взгляд на белевшую на буфете белую простыню с плащаницей и отчаянно ахнул, показывая на нее пальцем. Мы в ужасе оцепенели. Казалось, что вот сейчас они вернутся и будет что-то ужасное! Они не вернулись. Они ее не увидели! Даже сейчас, через многие годы, вспоминая этот удивительный случай, я чувствую, как по моей спине бегут мурашки! Это было подлинное чудо!»

Настоятель скончался в 1925 году: «Останки отца Сергея Фрязинова перевезли в храм Параскевы Пятницы на Пятницкую улицу. Похороны состоялись по всем канонам православной церкви и при большом стечении народа. Улица против выхода из храма была заполнена толпами людей вплоть до противоположного тротуара. Все пятнадцать километров, отделяющие Пятницкую улицу от села Богородского, родня и друзья, и в первую очередь хор Братства и многие из прихожан прошли с нами пешком за катафалком, изредка останавливаясь, чтобы пропеть „Со святыми упокой“ и „Вечную память“».

Последнее время он не служил – подорвал здоровье во время отсидки, его все же не отпустили с Лубянки домой. И подобных гонимых священников были в то время несметные тысячи.

* * *

А в глубине, за станцией метро – здание Государственного комитета по телевидению и радиовещанию. Эта организация определяла маршрут легендарного писателя Юрия Карловича Олеши. Он жил неподалеку, за Ордынкой, в огромном писательском доме. Сюда же ходил по делам. Ну и не только по делам: на углу Пятницкой и Климентовского переулка распола-

гался винный магазин, в котором торговали не только на вынос, но и распивочно. Для Олеши – очень даже притягательный магнит.

Краевед и журналист Яков Белицкий писал о Юрии Карловиче: «Он часто ходил этой дорогой: в магазинчик на углу, в метро, в радиокомитет, который находился за вестибюлем метро, на Пятницкой, 25».

Упоминал этот маршрут и Лев Никулин: «Разговаривал он с самыми разными людьми. Я спрашивал его, о чем он мог говорить с теми, кого встречал на Пятницкой. Он отвечал:

– Очень интересно».

Сам же Олеша как-то раз обмолвился: «Я старожил, и я не помню такого жаркого сентября. Идешь по Пятницкой с такими ощущениями, как будто, приехав в Одессу, впервые спускаешься к морю. Даже пахнет смолой».

Он был частью Пятницкой улицы.

А упомянутый Яков Белицкий начал в том здании за метро «Новокузнецкая» свой путь в радиожурналистике. А посодействовал ему в этом известный Егор Яковлев, и оба тогда были очень даже молоды. Белицкий вспоминал: «Статью (в газете «Ленинское знамя». – АМ.) напечатали, как мне передали, материал похвалили на планерке, а посему, увидев в коридоре заместителя главного редактора Егора Владимировича Яковлева, я умышленно замедлил шаг, чтобы услышать эту похвалу из первых уст. Он действительно произнес какие-то добрые слова, а потом сказал:

– Сейчас из московской редакции радио звонили, работник им нужен, спрашивали, нет ли у меня кого-нибудь на примете. Я сказал, что вряд ли найдется среди газетчиков чудак, который согласится писать, чтобы все потом уходило в воздух.

– Егор, – сказал я, – есть такой чудак, пойди перезвони им. Мне уже давно хочется поработать на радио…

Пожав плечами, он вернулся в кабинет, набрал номер и сказал: «Нашелся все-таки один, завтра подъедет…«».

Виталий Аленин посвятил дому на Пятницкой фельетончик под названием «Говорит Москва»: «Есть в Москве дом, где прессуется время. Да, да, все именно так и обстоит: здесь в один астрономический час впрессовывается триста девяносто минут, в одни сутки – сто пятьдесят пять часов.

Это – Московский Дом радио.

Сто пятьдесят пять часов в сутки слушает страна голос Москвы по всем программам Центрального внутрисоюзного радиовещания. Это не считая передач для зарубежных радиослушателей, которые ведутся на семидесяти языках разных народов мира».

Правда, в эпоху Леонида Ильича массовый юмор был достаточно низкого качества. Утешает, впрочем, то, что он сейчас ничуть не лучше.

Поэт же Алексей Дидуров описывал другую популярную радиопередачу, тоже производившуюся в этих стенах: «Существовала в далекие уже советские застойные времена на Всесоюзном Радио (на бывшей Пятницкой) «Радиостанция «Ровесники». Это было вот что. По вечерам – ранним, само собой, – собирались в студии хорошие мальчики и девочки… в основном отличники и крепкие хорошисты, развитые, начитанные, уже что-то сочиняющие втихомолку, «со взглядом горящим», и обсуждали перед микрофонами почту юных радиослушателей – их горести, их проблемы, их вопросы из разряда срочных или, наоборот, вечных. Аж вот еще где и когда тем мальчикам и девочкам дали попробовать наркотик избранности и мессианства – по всей Империи от Тихого до Атлантического эти дети входили в каждый дом! В нескольких письмах встретилась им просьба побеседовать со мной и чтобы я свои стихи и песни в эфире исполнил – вот они меня и пригласили.

Занятное они представляли из себя сообщество. Сидели они за одним столом одесную и ошую их отца-наставника – был он изумительной внешности: при, скорее всего и судя

по одежде, принадлежности к мужскому полу лицо имел он женственно-детское, сочетающее в себе черты подростка-перестарка и нежно-румяную девичью белизну кожи и таковую же выточенность и миниатюрность носика и губ. Голос – соответственный. И показалась эта радиовечеря мне инкубатором по выведению ангелов и архангелов – так они были чисты, романтичны, трепетны и уверены в пользе и гуманности своей радиомиссии, в своей правде «на вырост»… Ну, истинные были ангелочки!»

Даже не верится, что все это когда-то было.

Православный храм в честь папы Римского

Церковь св. Климента папы Римского (Климентовский переулок, 7) построена в 1774 году по проекту неизвестного архитектора.

То, что в самом центре Москвы – православного, а до революции официально православного города – стоит храм в честь папы Римского, объясняется просто. Священномученик Климент был папой Римским на самой заре христианства, когда еще не было разделения на православие и католичество. Загадочно другое: почему он, будучи в Москве, больше того, в Замоскворечье выглядит как абсолютно европейская церковь. Возможно, в сознании неизвестных нам авторов сидела та мысль, что Климент папа Римский пусть и почитается церковью православной, но все равно – папа Римский. А значит, надо сделать нечто иноземное.

И сделали. Искусствовед Игорь Грабарь писал: «По своему облику храм выпадает из круга московских памятников данного периода, будучи наделен скорее чертами петербургской архитектуры, но архитектуры высокого стиля, притом не имеющей прямой аналогии с творчеством ведущих мастеров Петербурга».

Грабарь не договаривал. Ведь петербургская архитектура – в минимальной степени архитектура русская, и старый Петербург – полностью европейский город, разве что сделанный с восточным размахом.

Впервые храм на этом месте был упомянут в начале семнадцатого века. В 1612 году у его стен произошло одно из самых знаменитых московских сражений так называемого Смутного времени: местные жители здесь задержали войска гетмана Ходкевича, шедшего на подмогу полякам, засевшим в Кремле. И это ускорило сдачу Кремля, приблизило окончание Смуты.

Рядом же с церковью был водоразборный бассейн. Вера Харузина вспоминала о детстве: «Арифметические задачи доставляли мне не раз большое удовольствие, но далеко не такое, какое могло бы радовать учителя. Условия задачи не раз доставляли мне пищу для творчества. Я, например, всегда прекрасно знала, для чего вышли из разных городов те два путешественника, которые должны были встретиться на дороге. Трубы, из которых опорожнялись бассейны, были трубами, свешивающимися своими рукавами из тех башнеобразных построек, которые мы видали на прогулках своих на Серпуховской площади или близ церкви св. Климента, – эти городские бассейны теперь исчезли, – и можно было так ясно представить себе, как около них толпились характерные фигуры тогдашних московских водовозов, работа которых мне почему-то тогда очень нравилась».

Такие вот милые детские ассоциации.

Храм в Вишняках

Церковь Троицы в Вишняках (Пятницкая улица, 51) построена в 1824 году по проекту архитектора А. Григорьева.

Этот храм значительно скромнее, нежели церковь Климента папы Римского. Но его история не менее занятна. Интересен хотя бы тот факт, что архитектор при сооружении этого храма использовал – такова была воля заказчиков – часть стены церковного сооружения, стоявшего на этом месте раньше. В планы архитектора такое явно не входило, однако же возникшую проблему он решил – не сразу и заметишь, где находится старая часть, а где – построенная А. Григорьевым.

Имя же церкви – «в Вишняках» образовано от названия этой местности – «Вишняково». Вишняково же так названо в честь стрелецкой слободы «Матвеевского приказа Вишнякова», которая располагалась здесь в семнадцатом столетии. Ягоды вишенки тут не при чем.

Искусствовед Ю. Шамурин в своих «Очерках классической Москвы» писал: «Самое прекрасное в этой церкви колокольня, построенная в духе классицизма. В ней гармонично сочетаются древнерусские формы с классической эстетикой, не уступая ни одной пяди своего художественного замысла. Высокая, квадратная в плане, в виде разнообразно украшенных кверху суживающихся ярусов, она завершается иглой-шпилем. Декорация усложняется с каждым ярусом. В нижнем ярусе гладкие стены, только четыре колонны у западного входа да пышный фриз по верхнему карнизу. Второй ярус рустованный, образующий как бы арки, легко и плавно несущий верх. Над ними самый нарядный ярус, облепленный полуколоннами, несущими узорный архитрав. Выше – вновь гладкие стены по сторонам пролетов, пролеты окаймлены двумя колоннами, их капители продолжены гирляндами на гладких стенах углов, и так и вьется по верху яруса, завершая четырехгранную композицию колокольни, прихотливый резной пояс узора. Еще выше восьмигранный тамбур, законченный высоким шпилем».

Этот храм связан с известнейшим звонарем К. Сараджевым. Он писал в мемуарах: «Мне было 7 лет. Раз весной, в вечернее время, гулял я со своей няней (няня любила меня исключительно сильно, всем сердцем) неподалеку от дома, у Москва-реки, по Пречистенской набережной, и вдруг, совершенно неожиданно, услышал удар в очень большой колокол со стороны Замоскворечья. Было это довольно-таки далеко, но в то же время колокол слышался очень ясно, отчетливо; он овладел мною, связав меня всего с головы до ног, и заставил заплакать. Няня остановилась, растерянная. Она обняла меня, я прижался к ней, мне было трудно: сильное сердцебиение, голова была холодная; несколько секунд я стоял, что-то непонятное, бессвязное пробормотал и упал без сознания. Няня сильно перепугалась и попросила первого попавшегося отнести меня домой. Дома все тоже были перепуганы и поражены, совершенно не понимая, почему это произошло. С тех пор этот колокол я слышал много раз, и каждый раз он меня сильно захватывал, но такого явления, какое было в первый раз, после уже не бывало. Этот колокол слышали и няня, и родные мои, для этого я водил их на набережную Москва-реки. Долго не мог я узнать, откуда доносится этот звук величайшей красоты, – и это было причиною постоянного страдания… Одиннадцати лет был я на одной колокольне в Замоскворечье, было воскресенье, утро, время, когда в церквах служба, при ней и звон. Вдруг услышал я удар в колокол, который, очевидно, был очень недалеко. Он заставил меня глубоко задуматься: он будто что-то напомнил мне. Затем еще раз был этот удар, я оглянулся в сторону гула и увидал колокольню. Это была Троица в Вишняках, на Пятницкой».

И впрямь – уникальнейшая колокольня.

* * *

В том же Вишняковском переулке, в доме №15 расположен еще один известный храм Москвы – церковь святителя Николая Чудотворца в Кузнецкой слободе, или Никола в Кузнецах. С этим названием все гораздо более понятно: в Кузнецкой слободе жили и работали мастера-кузнецы. Сначала та церковь была деревянная, затем, в 1683 году, ее заменили на каменную, в 1805 году соорудили новый храм, который, собственно, и сохранился до наших дней – разве что в 1847 году пристроили трапезную, надстроили колокольню и несколько реконструировали фасад собственно церкви.

Уникальность же этого храма заключается в том, что он не закрывался на протяжении всего существования СССР. Ходили слухи, что один из настоятелей – родственник Ленина, но даже если это так, то вряд ли в этом было дело – ведь существовали и другие настоятели. Тем не менее, факт остается фактом: храм не только действовал, но также был в разные времена пристанищем православного диссидентства. В частности, в 1924 году здесь служил всенощную опальный патриарх Тихон. А позднее настоятелем этого храма был известный протоиерей Всеволод Шпиллер, духовник писателя А. Солженицына. Его проповеди ходили среди верующих на магнитофонных бобинах. Власти, разумеется, знали об этом обо всем, но храм не закрывали. Вероятно, видели в том свой резон.

Хотя не все было так гладко. Вот как излагает события тех лет один из современников: «Кто не знает в Москве храма Николы в Кузнецах, кто не знает чтимой иконы Божией Матери с чудесным названием «Утоли моя печали»? Кто, наконец, не знает настоятеля этого храма, одного из самых уважаемых и просвещенных московских протоиереев о. Всеволода Шпиллера? Мирно и тихо шла жизнь этого прихода, причт которого производит хорошее впечатление своей религиозностью и интеллигентностью. Так было до 1965 г., когда во время автомобильной катастрофы погиб староста этого храма. Его преемник (хорист из Малого театра) сразу провел новую линию. Он сменил всех работников храма (свечниц, уборщиц и т.д.). Вновь назначенные им люди не сочли нужным даже познакомиться с настоятелем, с духовенством держали себя грубо и вызывающе. Желая показать свою благонадежность, новый староста, не довольствуясь обычной процедурой проверки документов у родителей крещаемых, стал требовать у отцов еще и военные билеты, что было совершенно незаконно. Наконец, староста ввел новый порядок: в церкви начали шляться антирелигиозники – «общественники» из соседнего института внешней торговли. Антирелигиозники ходили в храм, проверяли документы, присутствовали на всех заседаниях двадцатки.

К о. Всеволоду начали поступать «предложения» прекратить свои проповеди. С этими предложениями адресовывались и непосредственно к нему, и через его родственников. О. Всеволод начал протестовать против подобных порядков. И был снят личным указом Патриарха, вместо него назначен прот. Константин Мещерский, который умер 19 августа 1966 г., когда он должен был вступить в настоятельство. Над ним совершился суд Божий».

После этого о. Всеволод продолжал быть настоятелем храма вплоть до своей кончины в 1984 году.

С точки зрения человека невоцерковленного, суд Божий должен был бы покарать не протоиерея, а отставившего отца Всеволода патриарха. Но у церкви – законы свои.

Юрий Бахрушин – сын основателя театрального музея – вспоминал о своем, детском еще, посещении этого храма: «Порой мне приходилось заходить к отцу Симеону на квартиру в его маленький домик при церкви Николы Кузнецкого. Там меня всегда поражали хитроумно устроенные звонки на дверях, особые запоры на окнах и тому подобные усовершенствования работы самого батюшки. Отец Симеон оказал большое влияние на мое духовное развитие – слушая его фантазерство, я незаметно поддавался его увлечению и невольно, оставшись один, начинал так же фантазировать и строить воздушные замки».

Фантазии этого батюшки были оригинальными и для священника сомнительными. Юрий Бахрушин писал: «Часто, рассказывая мне тот или иной эпизод из Священной истории, он

вдруг прерывал свой рассказ, устремлял взгляд своих маленьких глаз куда-то вдаль и начинал фантазировать. Он говорил о том, как люди будут жить в будущем, какая у них будет замечательная жизнь, как будет развита техника, строительство. Он так же резко обрывал свои отвлеченные речи, как и начинал их, и, обратив на меня свой добрый взгляд, смущенно спрашивал:

– Так о чем я говорил-то?»

Эти истории имели неожиданное продолжение уже при советской власти: «В 1944 году заведующий отделом комплектования театрального музея как-то обратился ко мне:

– А мы вчера вас вспоминали!

– С кем?

– С отцом Симеоном Ковганкиным.

– Да разве он жив?

– Жив и вам кланяется.

– Сколько же ему лет и как он себя чувствует?

– Да ничего. Хорошо. Ему восемьдесят четыре года. Мы вчера с ним пол-литра раздавили за разговором, да мало показалось, пришлось еще четвертинку добывать.

– Что же он делает?

– Да ведь после революции он пошел на покой, а теперь с полутора десятков патентов на его изобретения, многие из них приняты и используются».

Такой вот батюшка-затейник служил в церкви Николы в Кузнецах.

Печенье для ждущих врага

Комплекс зданий кондитерской фабрики Леоновых (Второй Новокузнецкий переулок, 13/15) был построен в разное время разными архитекторами.

Московская кондитерская фабрика купцов Леоновых была основана в 1826 году. Поначалу они делали всего лишь незатейливые карамельки и помадку. Со временем производство расширяется (в том числе и географически – в сторону Монетчиковских переулков). Устанавливается – среди прочего – локомобиль, то есть керосиновый двигатель. Проводится электрическое освещение. Появляется новое, горделивое название – «Торговый дом Леоновых».

В начале Первой мировой объемы производства возрастают. Как говорится, кому война, а кому мать родна. Во-первых, незамысловатые кондитерские изделия (а именно такие выпускались фабрикой) входят в солдатские и офицерские пайки (в мирное же время взрослые и здоровые мужики помадками себя не тешат), во-вторых, ту же простую «кондитерку» используют в качестве подарков воинам различные благотворительные организации, а в-третьих, сладости частично заменяют целую продуктовую нишу, полностью исчезнувшую во время войны, – в России был введен сухой закон. Соответственно, расширяется ассортимент, но, опять таки, в рамках бюджетного сектора: леденцы, мармелад, так называемые атласные подушечки.

К семнадцатому году фабрика – одно из самых крупных предприятий, занятых в пищевой промышленности. На нем трудится около 1100 человек. Тогда же мудрые Леоновы, предвидевшие, видимо, Октябрьские события, продают свою фабрику Всероссийскому центральному союзу потребительских обществ. Именно у этого Союза фабрику после революции и отбирают – национализируют.

Далее – советская история. Дипломы Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки «за хорошее качество народных сортов шоколада, карамели и мармелада» (фабрика продолжала выпускать бюджетную продукцию), прочие награды. В 1931 году в Москву приезжает Эрнст Тельман – фабрика берет название «Рот Фронт» («Красный фронт» по-немецки, модное в те времена международное коммунистическое приветствие).

В 1941 году здесь случилась история, вошедшая в справку начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М. И. Журавлева «О реагировании населения на приближение врага к столице» от 18 октября 1941 года. Он писал: «Директор фабрики „Рот-Фронт“ (Кировский район г. Москвы) Бузанов разрешил выдать рабочим имевшиеся на фабрике печенье и конфеты. Во время раздачи печенья и конфет между отдельными пьяными рабочими произошла драка».

Москвичи тогда вообще не представляли, что творится вокруг. Реагировали самым разным, самым странным образом. То, что случилось на фабрике, – еще не самое дикое.

А после Победы жизнь фабрики снова наладилась.

Ленин в доме Рекк

Дом Рекк (Пятницкая улица, 64) построен в 1897 году по проекту архитектора С. Шервуда.

Этот дом явно выделяется своим видом из прочей застройки. Он старенький и невысокий, но уж больно респектабельный. Колонные, пышные коринфские капители, изысканные круглые окошки, маски, львы, кариатиды, балюстрады. Очевидно, что здание было надстроено еще одним этажом, но эта нахлобучка не особенно бросается в глаза. Надстройка более-менее деликатна.

До революции этот роскошный особняк принадлежал господам по фамилии Рекк. Его построил архитектор Сергей Шервуд, сын Владимира Шервуда, автора здания Исторического музея на Красной площади. В отличие от своего отца, который кроме упомянутого музея прославил себя памятником-часовней в честь гренадеров, героев Плевны и множеством других не менее значительных построек, он ничем особенным себя не проявил. Впрочем, он и прожил сравнительно недолго – всего лишь сорок лет. Дом на Пятницкой улице – самое яркое произведение этого автора.

После революции особняк приглянулся новой власти, и сюда вселился Замоскворецкий райком РКП (б), который 19 июня 1918 года почтил своим вниманием Владимир Ленин.

Тема заседания была довольно мерзопакостной. О том, как силой отнимать зерно у так называемого зажиточного крестьянства. Но рабочие оказались на высоте. Они правильно поняли линию партии, одобрили создание продотрядов и вождя не огорчили.

Один из участников, рабочий А. Кожухов в своих мемуарах писал: «Помню, в июне 1918 года в помещении райкома партии (Пятницкая улица, 64) шло собрание представителей партийных ячеек Замоскворецкого района. Собрание было посвящено обсуждению продовольственного вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.